

РЕЦЕНЗИИ

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-220-243

МЫШЬ ВМЕСТО ГОРЫ (ПО ПОВОДУ ВЫХОДА МОНОГРАФИИ В. А. ДЕРГАЧЁВА «ЯМНАЯ КУЛЬТУРА КАРПАТО-ПОДУНАВЬЯ. ТОМ I. КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ»)

Яровой Е. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

A MOUSE INSTEAD OF A MOUNTAIN (REGARDING THE RELEASE OF THE MONOGRAPH BY V. A. DERGACHEV “YAMNAYA CULTURE OF CARPATHO-PODUNAVIE. VOLUME I. CATALOGUE OF MONUMENTS”)

E. Yarovoy

State University of Education

ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Рожала гора с неслыханными столами,
И вся земля томилась в ожидании,
А родилась мышь!
Для тех написано,
Кто обещает много, а выходит вздор.
Эзоп, «Гора рожаящая», VII–VI вв. до н.э.

Введение

Вторая половина XX в. ознаменовалась невиданным размахом полевых археологических исследований на территории Северного Причерноморья и, в частности, в Днестро-Пруто-Дунайском междуречье. 70–80-е гг. прошлого века по праву можно назвать «золотым периодом» новостроечных экспедиций в СССР. За несколько десятилетий здесь было исследовано огромное количество разнообразных археологических памятников, давших масштабный научный материал.

Особенно активно исследовались курганы, попадавшие в зоны строительства крупных оросительных систем. Поэтому источниковедческая база различных скотоводческих культур за эти годы была увеличена в несколько раз. Но хозяйственные раскопки диктовали и свои условия: с одной стороны, зачастую крайне сжатыми сроками исследований, с другой – длительным полевым сезоном, нередко продолжающимся по полгода. Поэтому закономерно, что не все полученные за эти десятилетия материалы были оперативно опубликованы, и значительная их часть до сих пор не введена в научный

оборот. Да и чего скрывать: немало раскопанных в тот период памятников было опубликовано на крайне низком уровне.

В последние годы этот вопрос решается изданием обобщающих сводов и каталогов источников по отдельным культурам, и этот процесс можно только приветствовать. Ведь археологический памятник полностью уничтожается при раскопках, в отличие, например, от архитектурного, который можно восстановить. Поэтому он нуждается в особом трепетном и уважительном к себе отношении, т. к. копается на снос и уже не может быть возрождён.

Памятники археологии всегда индивидуальны, всегда связаны с определённой эпохой и с определённым народом или народами. Их утраты невосполнимы. По словам академика Д. С. Лихачёва, «каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно незащищён, он не восстановит самого себя»¹. Единственное, что остаётся от него, – это наши публикации. И поэтому работа над ними требует особой ответственности и тщательности. Но, как показывает жизнь, не всегда подобная работа является успешной.

Актуальность, достоверность и значимость монографии

В мае 2023 г. мне на электронную почту пришло письмо с презентацией «**новейшей**»² монографии Валентина Анисимовича Дергачёва». Рукопись только готовилась к печати в одном из молдавских издательств, тем не менее её электронный вариант поспешили широко разослать по России. Нет сомнений, что это произошло с согласия автора. Несколько позже, в этом же году, каталог был издан в бумажном варианте.

Эта монография вызвала у меня особый интерес, т. к. непосредственно

связана с научной темой, над которой я работал несколько десятилетий и которой посвятил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, а также ряд публикационных монографий и аналитических статей³. В них особое внимание было уделено характеристике и классификации погребального обряда, который и рассматривается в обобщающей работе В. А. Дергачёва.

В. А. Дергачёв действительно проделал огромную работу, собрав в одном издании информацию о 886 курганах и почти 4 000 погребений. Он кратко описал каждый памятник, обнаруженные в нём захоронения и погребальный инвентарь. При этом каждый погребальный комплекс снабдил соответствующими графическими таблицами, которые должны давать о нём наглядное визуальное представление.

Объём издания – 774 страниц. Почти 500 страниц сборника – это текст с пояснениями, описанием конкретных памятников и справочным аппаратом. Его дополняют 272 таблицы, каждая из которых содержит до 20–30, а иногда и до 40 (например, табл. 33) чертежей и рисунков.

Структура каталога общепринятая и включает необходимые указания на местонахождение памятников, авторов раскопок и годы исследований, ссылки на литературу и архивные данные, а также место хранения материалов. Безусловно, важной является публикация радиоуглеродных дат для конкретных памятников. Представленная информация достаточно

³ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. 126 с.; Яровой Е. В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 270 с.; Яровой Е. В. О первичных признаках погребального обряда ямной культуры // ПИАИП. Ч. II. Белгород-Днестровский, 1990. С. 119–121; Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. 47 с.; Яровой Е. В. Курганный стратиграфия и относительная хронология ямной культуры (по материалам Северо-Западного Причерноморья) // II Городцовские чтения: мат-лы конф. М., 2005 С. 44–50; и др.

¹ Лихачёв Д. С. Культура и мы // Огонёк. 1985. № 36. С. 24.

² Прим.: все выделения в тексте сделаны автором статьи.

полно характеризует высокий уровень изученности памятников ямной культуры в регионе. Об этом свидетельствует хотя бы общее число приведённых в каталоге захоронений.

В этой связи нельзя не согласиться с автором, что «многие специалисты ещё далеки от понимания истинных объёмов источниковедческой базы, накопленной по ямной культуре интересующего нас региона... Значительная часть материалов, раскопанных... в Украине и Молдове, до настоящего времени остаётся неосвещённой в литературе, что волей-неволей неминуемо приводит к множеству мало аргументированных идей и интерпретаций» (с. 5)¹.

Ну что ж, поставленные задачи вызывают уважение к решимости автора в одной обобщающей работе не только поставить, но и решить вопросы типологии погребальной обрядности, категорий инвентаря, их пространственного и хронологического проявления и т. д. Как следует из приведённой цитаты, именно эти «пробелы» и решил заполнить в своей работе В. А. Дергачёв.

Но когда конкретный учёный работает с большим количеством материалов, полученных на протяжении полутора столетий авторами с различным уровнем профессиональной подготовки, он должен выработать и представить собственную методику анализа источников и чёткую унификацию как публикуемого текста, так и иллюстративного материала. По заявлению В. А. Дергачёва, это было им сделано (с. 8).

Поверим автору на слово, но заодно и проверим, насколько заявленные принципы были реализованы на практике.

Начнём с текста и применённой автором методики и классификации. И здесь вопросы начинаются буквально с первых же страниц. Так, упоминая о 302 местонахождениях памятников, В. А. Дергачёв

включает в них не только одиночные курганы и курганные группы, но и отдельные находки, в т. ч. и не связанные с курганами, например, фрагмент случайно найденной в поле антропоморфной стелы из Александровки (с. 118, табл. 61J). Но отдельной находкой может быть не только крупная каменная скульптура, но и сосуд или изделие из металла или камня. И не всегда можно чётко установить их связь с курганами. Учитывать местонахождения отдельных находок, безусловно, необходимо, но ставить их в один ряд с курганами методически не совсем оправдано (с. 6). Более логично отметить их отдельно и при необходимости дать соответствующую карту случайных находок, что, кстати, и было сделано автором на заре его научной деятельности². Непонятно, почему он отказался от этого спустя 50 лет. Но это скорее пожелание, чем серьёзное замечание. Гораздо важнее проведённое автором географическое разделение региона.

В разделе «Пояснения к каталогу» В. А. Дергачёв утверждает, что «**для удобства работы и восприятия**, материалы даны по 5 условным географическим зонам (с востока на запад)» и разделяет регион, а соответственно, и весь каталог на 5 частей или географических зон (табл. 1, с. 7):

- Левобережье и Правобережье Днестра;
- Левобережье и Правобережье Прута;
- Причерноморская зона (с. 6–7, 500–501, карта 1).

При этом к правобережью Прута пристёгнута зона Подунавья, в которую включено лишь левобережье.

Несуразность подобного механического деления очевидна и ничего не даёт для анализа и «удобства работы». В этом случае «зоны» представляют собой определённые участки, которые можно было бы просто пронумеровать, ибо никаких особых географических критериев для их выделения автором не приведено (рис. 1).

¹ Прим.: здесь и далее все ссылки на каталог отмечены лишь указанием на страницу или таблицу монографии В. А. Дергачёва.

² Дергачев В. А. Памятники эпохи бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1973. С. 53–56.

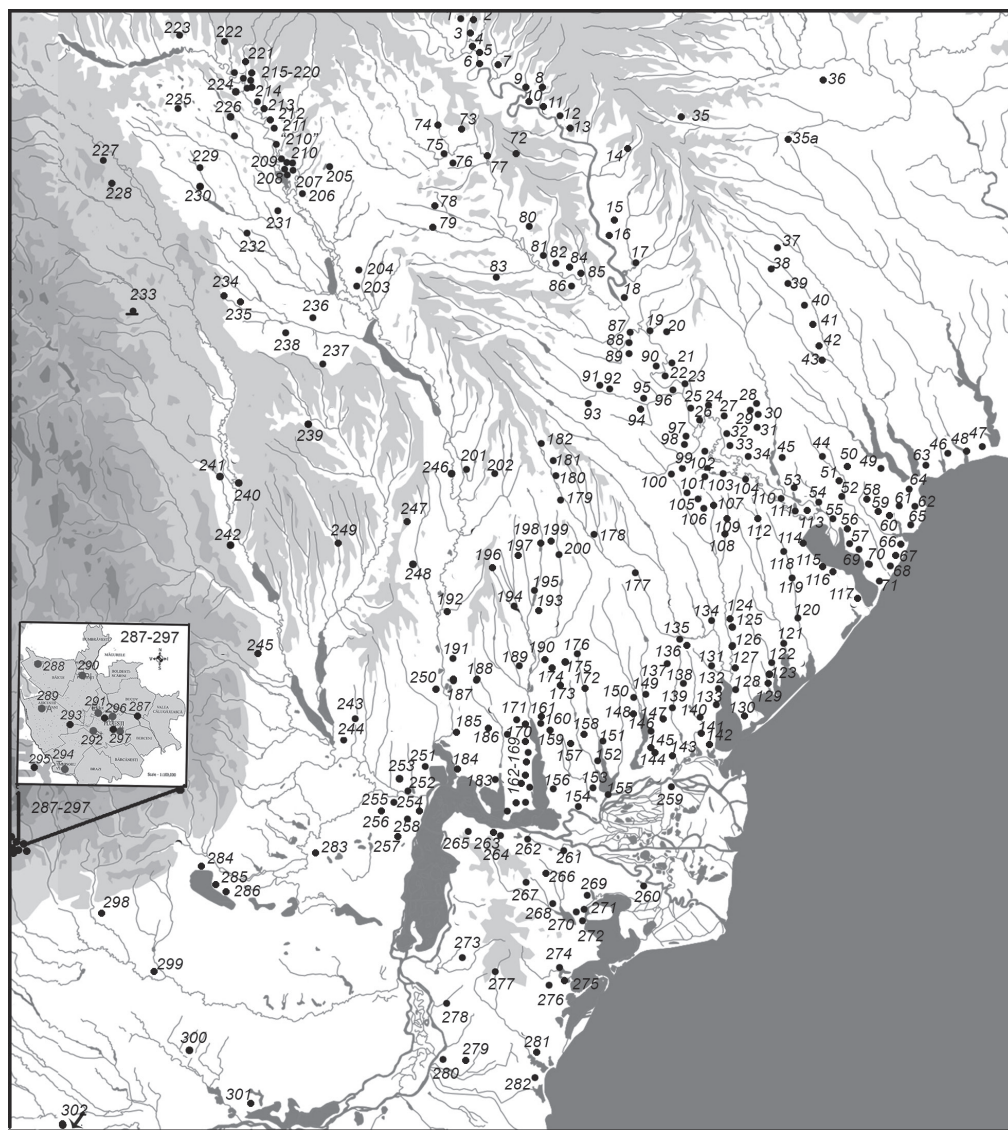

Рис. 1 / Fig. 1. Исследованные памятники ямной культуры региона (В. А. Дергачёв, 2023, Карт. 1, с. 500) / The studied sites of the Yamnaya culture of the region (V. A. Dergachev, 2023, Plan 1, p. 500)

Называя же их «географическими», автор только вносит путаницу, поскольку если рассматривать отдельно левый и правый берег основных рек междуречья, то вряд ли мы найдём какие-либо различия в материалах, т. к. даже в древности они вряд ли могли представлять для скотоводов серьёзную водную преграду.

Наконец, совсем искусственно выглядит выделение так называемой Причер-

номорской зоны, включающей 68 объектов (№ 114–182). Если посмотреть на Карту 1, то непонятно, какими критериями для её выделения руководствовался составитель? Почему, например, в эту зону включены такие памятники, как № 178–182, от которых до побережья по прямой более 100 км? Также на карте отсутствует масштаб, из-за чего она превращается в схему.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: с какой целью автор составлял таблицу 1 (с. 7) и тратил время на процентный подсчёт курганов и погребений с различных речных берегов и аморфной Причерноморской зоны? Какую объективную информацию она несёт, кроме показателя раскопанных и включённых в работу курганов и погребений? Неужели автор не понимает, что этот показатель будет постоянно меняться с проведением очередных раскопок и соответствующим расширением историко-этнографической базы?

Помещённая на с. 500 Карта 1 имеет подпись «Комплексы ямной культуры Карпато-Днестровского региона». Хотелось бы уточнить, что на ней отмечены **исследованные** памятники ямной культуры. И это крайне важно, т. к. она отражает лишь степень изученности ямной культуры региона в первой четверти XXI в. Но и здесь наблюдается определённая путаница в географических определениях.

Если каталог включает памятники Карпато-Подунавья, то что из себя представляет Карпато-Днестровский регион? Где его западные границы? Куда пропали такие знаковые водные преграды, как Дунай и Прут? Мало того, если на карте обозначены «Комплексы Правобережья Прута и Нижнего Подунавья (№224–302)», то в таблице 1 этот же блок имеет название «Восточное Прикарпатье и левобережье Нижнего Дуная» (с. 7). Как такие ляпы можно допускать и чем занимались уважаемые рецензенты, которых так долго уговаривал автор (с. 5)? Да и сам автор обязан был согласовать хотя бы подпись к карте с названием работы, но, видимо, не обратил на это внимание.

Но самым важным во вступительной части каталога представляется раздел, посвящённый типологии и терминологическому описанию погребений. Здесь нельзя не согласиться с констатацией автора о том, что «вопрос о типологии ямных погребений неизменно присутствует чуть ли не в каждой из изданных книг,

и в каждой из них предлагается своя авторская типология». Но, несмотря на это, «единой, принятой специалистами, типологии нет и по сей день» (с. 8).

Не буду останавливаться на путаных рассуждениях В. А. Дергачёва о погребальном обряде, но отмечу его вывод о существовании 2 разновидностей признаков: «типобразующих и побочных, второстепенных», по терминологии автора (с. 9). К первой группе он отнёс такие показатели, как положение скелета (при этом отметил лишь 2 варианта: на спине или на боку), положение рук и «в расчленённом состоянии – пакетом» (по терминологии автора), а во вторую группу включил разворот «черепа **на одной из сторон**», «согнутость одной из рук или ноги в случаях, когда первые обычно вытянуты, а вторые реконструируются как с поднятыми в коленях ногами» (стиль автора каталога) (с. 9). Понять, что хотел сказать автор, сложно, и приведённая цитата свидетельствует, что он или не совсем чётко представляет, о чём пишет, или с трудом формулирует свои мысли. В данном случае речь идёт о первичных (объективных) и вторичных (случайных) признаках погребального обряда. Но, во-первых, этот вопрос достаточно давно был поднят и рассмотрен в литературе¹, а во-вторых, предложенное здесь деление признаков слишком поверхностно и неверно. Достаточно лишь указать, что для одной группы положение черепа и рук строго регламентировано, а для другой возможны случайные отклонения; для основных погребений ориентировка первична, а для впускных – вторична, т. к. несёт совершенно иную информацию; что положение скорченных ног коленями вверх первично, а их распад или завал в одну из сторон – вторичен и т. д. Ничего здесь не сказано и о таком объективном для ямных погребений признаке, как скорченность ног и т. д.

¹ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 119–121.

Затрагивая же такой важный определяющий признак, как положение костяка в захоронении, В. А. Дергачёв ссылается на типологию ямного обряда, «изложенную в **синтезирующей работе** С. В. Ивановой» (с. 8).

В этой связи хочу заметить, что в целом типология С. И. Ивановой повторяет мою классификацию и включает 5 типов положений костяка в захоронении. При этом она отмечает, что в группах 2 и 3 костяк «уложен **на спину с наклоном**» или просто «**с наклоном**» вправо или влево¹. Поскольку этот признак неоднократно рассматривался в литературе, но до сих пор вызывает дискуссии, то позволю себе сделать необходимое отступление.

По рекомендации своего университетского наставника В. С. Титова, а затем и научного руководителя Н. Я. Мерперта, в основу своей классификации я поставил именно позу погребённого. При этом до начала её анализа было неясно, какую информацию она содержит. Чтобы проверить объективность этого признака, была разработана отдельная таблица, в которой фиксировались буквально все, даже заведомо случайные или вторичные отклонения в положении костяка. В результате получилось 60 различных вариантов. Но сухая статистика показала, что из них наиболее устойчивыми являются лишь 4 группы². И если скорченное положение костяка на спине и на боку являлись общепризнанными позициями, то в результате суммарного анализа появилась **промежуточная группа**, которую я определил как **скорченное положение на спине с наклоном на бок**. Впервые такую позу описала О. А. Кривцова-Гракова³, но

мне удалось выделить её из общего массива погребальных комплексов, и это я считаю объективным результатом обработки тысячи ямных захоронений.

Год спустя точно к такому же выводу пришёл и В. А. Дергачёв. При этом он не посчитал нужным сослаться на более раннюю работу, которую получил на рецензию и имел возможность ознакомиться с полученными результатами ещё до её публикации. Я нисколько не сомневаюсь, что он мог прийти к аналогичному выводу самостоятельно, но нигде не увидел научную базу, на основе которой была выделена данная группа. Её «почему-то» в его монографии не оказалось, как не оказалось и описания применённой для анализа методики. Просто констатирован вывод, и дана его интерпретация с выделением буджакской культуры⁴.

Обсуждение этой монографии вызвало у коллег массу вопросов не только научного, но и этического характера. В ходе дискуссии было сделано множество замечаний по описанию и анализу материалов, которые в итоге были полностью проигнорированы автором. В результате работа получилась, на мой взгляд, крайне слабой, с массой грубых ошибок. Их легко можно было бы избежать, если бы В. А. Дергачёв прислушался к конструктивной критике и внёс соответствующие исправления. Упоминаю об этой истории не случайно, т. к. спустя несколько десятилетий те же ошибки и просчёты перекочевали в данный каталог, анонсированный как серьёзная база источников.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к типологии ямного обряда, которую предлагает автор. Он однозначно заявляет, что «все известные ямные погребения отчётливо распадаются **на пять типов, пять обрядовых групп**» и иллюстрирует этот тезис рисунком 1 (с. 9, рис. 1). Но на нём чётко указано

¹ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 35; Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМИЛ, 2013. С. 234.

² Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 38–49, рис. 2.

³ Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового

века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. Вып. 115. С. 8–10.

⁴ Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 82–87.

почему-то 4 типа, плюс нижняя колонка без номера включает постмариупольские захоронения. Их появление вызывает закономерный вопрос: зачем они здесь? Вот что по этому поводу пишет автор: «Накопление данных по ямной культуре побудило нас включить в данный каталог и информацию о комплексах постмариупольского типа, что позволит в ближайшем будущем **окончательно разобраться** в их хронологическом соотношении»

(с. 13). Странно. Мне кажется, что этот вопрос уже давно решён и лишний раз подтверждён в представленной работе: эти памятники предшествуют ямным захоронениям (рис. 2).

Об этом достаточно ясно писала ещё И. Ф. Ковалёва, которая особо подчёркивала, что в рамках относительной хронологии постмариупольский горизонт предшествует погребениям ямной культуры, «от которых чётко от-

Рис. 2 /Fig. 2. Типология погребальной обрядности ямной культуры по В. А. Дергачёву / Typology of the funeral rites of Yamnaya culture according to V. A. Dergachev

делён стратиграфически»¹. Спустя десятилетия аналогичное «открытие» делает и В. А. Дергачёв: «погребения с вытянутыми костяками не характерны для ямной культуры, по крайней мере, нашего региона» (с. 12).

Зачем же тогда включать их в каталог по ямной культуре и от своего имени повторять выводы своих предшественников? И почему, в таком случае, это решение не нашло своего отражения в названии? Наконец, почему вместо 5 заявленных типов ямной культуры в сухом остатке представлено лишь 4? Ответа нет.

Да и с методологической точки зрения неверно объединять погребения, содержащие костяки, с кенотафами и расчлнёнными комплексами. В первом случае классификация основывается на положении погребённого, его позе, а в 3 и 4 группах, по В. А. Дергачёву, этот показатель отсутствует.

Кстати, выделение и характеристика этих групп, наряду с парными и коллективными захоронениями, были сделаны в своё время отдельно от одиночных комплексов², но ссылки на эту работу в каталоге нет. У В. А. Дергачёва же все эти комплексы механически смешаны.

Отдельно остановлюсь на промежуточной позе «скорченное положение на спине с наклоном». Многие археологи описывают её как «скорченное положение на боку с наклоном на спину». Сегодня эту точку зрения разделяет и автор. Казалось бы, в этих трактовках нет принципиальной разницы. Но это не так. Подробное рассмотрение данной позы показывает, что в этом случае погребённого специаль-

но укладывали на спину, наклоня голову и разворачивая согнутые ноги в ту или иную сторону³. Забыв о своей обобщающей работе, в которой эта группа характеризуется как «скорченное положение на спине с разворотом на бок» и «составляет чёткий самостоятельный тип»⁴, В. А. Дергачёв уже однозначно утверждает, что это всё же «положение на боку» (с. 11). При этом приводит собственную оригинальную аргументацию, которую невозможно читать без улыбки: «Попробуйте смоделировать одну из **описанные** (так у автора!) поз. Лягте, скажем, на левый бок, рукой, протянутой к коленям, а полусогнутой правой – поперек поясницы. Уверен, вскоре вы неизбежно почувствуете, что верхняя часть падает на спину. Вот вам и положение «скорченно на спине с поворотом на левый бок», хотя на деле вы лежали строго на боку» (с. 10).

Оставляю этот пассаж без комментариев, но хотелось бы уточнить: автор хоть иногда перечитывает собственные работы, поскольку высказывает и никак не комментирует свои же противоположные выводы?

В итоге можно констатировать, что он отказывается от существования промежуточной группы и тем самым ещё более запутывает типологию данного признака.

Теперь перейдём непосредственно к каталогу. Начнём с текста. Только описание курганных комплексов занимает 486 с., поэтому анализ сделаем выборочно, поскольку буквально к каждой странице возникают вопросы, и все замечания могут занять неоправданно много страниц.

Во вступительной части В. А. Дергачёв отмечает, что «за отдельными исключениями **описание комплексов даётся** по строго определённой схеме: курган, погребальное сооружение, позиции погребённых, их инвентарь и другие возможные наблюдения» (с. 8). В целом эта схема выдерживается, но она далека от

¹ Ковалёва И. Ф. Днепровский ареал Волго-Днепровской этнокультурной общности // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: тезис докл. Оренбург, 1980. С. 24; Ковалёва И. Ф. Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке (по данным погребального обряда): учеб. пос. Днепропетровск: ДГУ, 1984. С. 43 и др.

² Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 69–76.

³ Там же. С. 46–48.

⁴ Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 37, 83.

комплексного и универсального содержания.

Каталог опубликован на русском языке, но при этом унификация географических наименований почему-то не продумана. А это крайне важно, т. к. за последние годы по Молдове и Украине прокатилась волна переименований, и легко может возникнуть (и часто возникает) путаница, т. к. памятник был опубликован под одним названием, а сегодня этот населённый пункт уже переименован.

Логично за основу взять название из публикации с переводом его на английский язык и уточнением современного наименования населённого пункта. Казалось бы, автор это сделал, но в тексте можно легко запутаться от подобных географических определений: Великозименово / Velikozimenove, village (Ukrainian: Великозименове, Russian: Великозименово), Velyka Mykhailivka district, Odesa region, Ukraine, 47°04'21,8" N, 30°16' 09,7" E» (с. 77–78, Карт. 1, № 41). Как говорится, смесь французского с нижегородским – тут и русская транскрипция, и украинская, и английская без перевода, и географические координаты. Зачем-то в скобках дублируется русское название. А в приведённой библиографии статья у авторов называется «Велико-Зиминовский курган бронзового века» (с. 479). Так как же правильно? Даже русское название приведено неточно!

Открываю выборочно каталог, и вновь открытие: Николаевка / Mikolayvka, city (Ukrainian: Миколаївка, Russian: Николаевка) (с. 100–101, Карт. 1, № 57). Название русское, но английский перевод дан с украинского, затем идёт собственно украинское название, и затем вновь русское. Но в данном случае ещё отмечено, что это **city**, хотя дальше автор указывает, что это всё же **село**! Для кого в данном случае предназначен английский перевод или латинская транскрипция?

Несколько лучше ситуация с молдавской топонимикой, в которой в большинстве случаев русские названия совпадают

с переводом. Но и здесь есть проблемы. Например: Чобручи – Чобурчиу, Тудоро-во – Тудора и т. д.

Есть и вообще загадки. Так, местонахождение Дервент переводится без каких-либо пояснений следующим образом: «143. Дервент / Dervent, village (Ukrainian: Новосільське, Russian: Новосельское (Карт. 1, № 163)» (с. 287).

Что же касается иллюстраций, то на них памятники указаны в латинской транскрипции, в то время как в подписях – русскоязычные названия с очередным дублированием латинским шрифтом. Увидеть в этом какую-то логику сложно, но надо признать, что каталог вносит свою лепту в запутывание единого и универсального списка памятников.

Очень важным представляется «Алфавитный указатель памятников, включённых в каталог», поскольку он является своеобразным путеводителем по тексту и иллюстративному материалу (с. 494–498). Указание на номер конкретного памятника, страницу в тексте и номер иллюстрации позволяет легко найти интересующий специалистов объект. И это безусловный плюс. Но и в данном случае перевод географических названий на английский сделан почему-то не с русского, а украинского языка, что вызывает определённые сложности в идентификации. Например: Подгородное / Pidgirne (если верен латинский текст, то это Подгорное), Подлесовка / Pidlisivka, Огородное / Gorodne (с. 498) и т. д.

Здесь же необходимо было указать авторов раскопок и годы исследований, поскольку эта важная информация расплывлена в тексте. А ведь она объективно отражает вклад конкретных археологов в изучение региона, а также масштабы проведённых работ в различные исторические периоды. Сложно сказать, почему В. А. Дергачёв этого не сделал, в отличие от других своих коллег¹.

¹ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 198–207; Яровой Е. В.

Указывая каждый памятник, автор даёт его географические координаты. Но они, на мой взгляд, не несут какой-либо принципиальной информации, т. к. конкретные объекты хорошо видны на карте. Это же касается и ориентировки погребений, т. к. статистическая обработка координат не имеет смысла. Зачем же заниматься наукообразием, если очевидно, что древние скотоводы, совершая погребальный обряд, вряд ли высчитывали градусы и минуты?

При описании курганов не упоминается, какие насыпи не распахивались. А это достаточно важно, т. к. данные показатели относительно объективно отражают истинные размеры кургана, в отличие от насыпей, которые постоянно нивелировались при распашке. Но и в последнем случае необходимо уточнить высоту: она приводится от древней погребенной почвы (пп) или современной дневной поверхности (дп)? Этого почему-то не сделано, и поэтому любые в перспективе мерные подсчёты затраченного на строительства кургана труда не дадут объективной информации.

Кроме того, практически везде погребальная камера (яма) и уступ (входная яма) определяются как прямоугольные. На самом деле подавляющее большинство из них (67,2%) имеет округлённые углы, а погребальные камеры с прямыми углами встречаются в 15 раз реже (4,5%)¹. Чаще прямоугольные ямы фиксируются в позднеямных или буджакских комплексах, но все равно доминирует прямоугольная форма с округлёнными углами². Однако закруглённость углов нигде в каталоге не отмечается. Как в основном не отмечается и глубина погребальных

камер (указываются лишь 2 показателя: длина и ширина). А в тех редких случаях, когда она всё же даётся, не указывается, с какого уровня проведена фиксация. Но если она дана с уровня перекрытия, то это объективный показатель, в противном случае – нет. Да и не понятен принцип, по которому автор иногда считает нужным указывать глубину.

О путанице в определении позы погребённого уже говорилось, и она находит своё отражение в каталоге. Например, погребения 7 и 9 из кургана 1 у с. Окница описаны следующим образом: «Погребённый (взрослый) лежал **на спине с разворотом на правый бок**, головой на З (276°)» и «Погребённый (взрослый) лежал скорченно **на левом боку с разворотом на спину**, головой на ЮЗ (256°)» (с. 25). Смотрим таблицу и видим, что в обоих случаях костяки уложены на спине с наклоном вправо и влево (табл. 7В, 10 и 14), т. е. налицо нечёткое представление автора даже о собственной классификации.

Перейдем к характеристике погребального инвентаря. Он немногочислен, и в основном представлен керамикой. Её систематизация неоднократно разрабатывалась различными специалистами, в т. ч. и самим автором³. Казалось бы, надо её использовать и тем самым облегчить другим археологам работу с опубликованными источниками. Но и здесь Валентин Анисимович пошёл своим оригинальным путём и принялся описывать различные формы сосудов, игнорируя не только других авторов, но и свои давние и, надо признать, не совсем чёткие работы.

Так, в своё время он выделил «около 10 достаточно устойчивых типов форм» и подробно их описал, отметив для днестровской группы 3 типа форм керамики: сосуды кубковидных форм, шаровидные амфоры и сосуды баночных форм с коротким отогнутым наружу венчиком⁴.

Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 34–36.

¹ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 62–64.

² Сурду В. В. Особенности погребальных сооружений ямной культуры Карпато-Поднестровья // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XII. Одеса: ОНУ, 2018. С. 515–516.

³ Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 42–54.

⁴ Там же. С. 77, рис. 18А.

В свою очередь, в керамику буджакской группы, наряду с «баночными сосудами», были ещё включены чашевидные сосуды, чашевидные сосуды с ручками-налепами с вертикальными отверстиями и амфоровидные сосуды с ручками-налепами¹.

Сразу же отмечу, что, судя по рисункам на приведённых таблицах, так называемые «баночные сосуды с отогнутым венчиком» являются типичными горшками. А на рис. 11/1-19 в группе 5 так называемых «сосудов чашевидных форм» оказались миска, молочник и банки². Таким образом, представленную В. А. Дергачёвым разработку нельзя признать совершенной и следует отметить другие более чёткие классификации³, где наряду с описанием указана и ведущая форма сосуда: горшок, чаша, банка без поддона, банка на поддоне, кубок, миска и т. д.⁴ Поэтому в каталоге достаточно было указать форму того или иного сосуда и дать его размеры, чтобы получилась полная картина керамического изделия.

Соглашусь, что автор имеет право самостоятельно решать, каким образом публиковать керамику, но даже выборочная проверка соответствия текста и формы показывает неоднозначность в характеристике самой показательной части погребального инвентаря.

Не будем голословными. Откроем наугад каталог и на с. 99 найдём следующую характеристику керамики:

– **Маяки III, 2/7, Маяки IV, 1/1:** «чашевидный сосуд с кольцевым поддоном и двумя ручками-налепами с вертикальными отверстиями» (с. 554, табл. 53А.4, 53В.3 – у автора в тексте ошибочно указано 53А.3!) – на рисунках типичные банки на поддоне (рис. 3);

– **Маяки III, погр. 2/8:** «у левого плеча находился **раздавленный** сосуд с округлым туловом и коротким отогнутым наружу венчиком» (табл. 53А.8) – из описания надо гадать о форме, но на рисунке горшок (рис. 3);

– **Маяки IV, погр. 2/9:** «справа от черепа находилась мисочка с закругляющимся кверху туловом» (табл. 53С.4) – на самом деле, это чаша (рис. 3).

Такая же неопределённость характерна и для других форм. В частности:

– **Холодная Балка, погр. 1/7:** «амфоровидный сосуд с округлым туловом с двумя ручками-налепами на нём, с вертикальными отверстиями» (с. 85) – судя по рисунку и размерам, это амфорка (с. 546, табл. 45В.6);

– **Островное погр. 2/12:** «большая амфора с шаровидным туловом, короткой горловиной и двумя ручками на тулове» (с. 273) – а это уже типичная (овоидная) амфора (с. 657, табл. 156А.12).

Различия между этой керамикой, безусловно, есть, но из представленных описаний непонятно, чем отличается амфоровидный сосуд от амфоры, «банковидный сосуд с отогнутым венчиком» от горшка, миска от чаши, чашевидный сосуд от банки и т. д.? И так везде, поэтому приводить новые примеры нет смысла.

Ещё 20 лет назад отмечалось, что «в монографических исследованиях и отдельных работах... выделены основные типы сосудов, как общие для всей территории ямной КИО, так и специфичные для Северо-Западного Причерноморья»⁵. Поэтому автор только вносит путаницу в достаточно чётко разработанную классификацию ямной керамики данного региона⁶.

¹ Там же. С. 86, рис. 19А.

² Там же. С. 50–51.

³ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 82–89.

⁴ Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМИЛ, 2013. С. 237–239.

⁵ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 39.

⁶ Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. Рис. 15–19, 23–24; Иванова С. В. Об истоках формирования буджакской культуры // ССПК. 2012. Т. XVI. С. 18–47; Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Се-

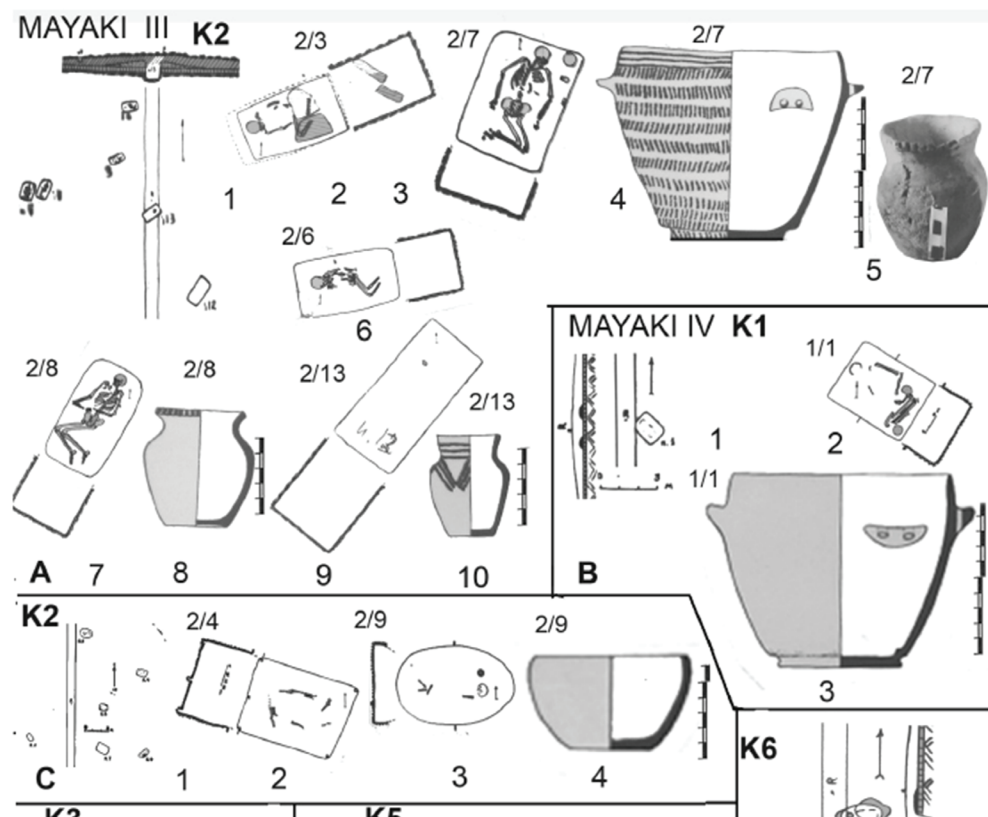

Рис. 3 / Fig. 3. Керамика из курганного могильника у с. Маяки из книги В. А. Дергачёва / Ceramics from a burial mound near Mayaki village from the book by V. A. Dergachev

И несколько слов о привлечённых источниках. От качества источниковедческой базы зависит объективность различных классификаций и, как результат, научный уровень реконструкции исторического процесса. Выше уже отмечалось отсутствие внятной аргументации по включению в каталог постмариупольских комплексов. Но в свод ямных памятников попало немало и других инокультурных захоронений.

По моему глубокому убеждению, к ямной культуре не относятся внесённые в каталог захоронения в каменных ящиках, вытянутые на спине и резко скорченные погребения на боку в позе адо-

рации. Здесь надо особо отметить, что некоторые коллеги также включают эти комплексы в источниковедческую базу¹ и в итоге приходят к спорным или крайне сомнительным выводам.

Это можно показать на примере находок каменных топоров. Так, вслед за другими исследователями В. А. Дергачёв необоснованно, на мой взгляд, относит к ямной культуре такие яркие захоронения.

веро-Западного Причерноморья. Одесса: СМЛ, 2013. С. 237–239, рис. 50–51; Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 82–89, рис. 19–22 и др.

¹ Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМЛ, 2013. С. 211–254; Субботин Л. В. О культурно-хронологическом месте древнейших вытянутых погребений Буджакской степи. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья, Киев: ЦНАИ АН ССРМ, 1991. С. 71–72; Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. 234 с. и др.

ния с каменными топорами, как Широкое (Алкалия), 33/3 – в каменном ящике (табл. 113В.2-4 – 114А.1-17) и Пуркары, 1/38 – в яме с навесом (табл. 96В.21-30) с типично катакомбным инвентарём, включающим, в частности, кремнёвые стрелы с выемкой в основании и каменную булаву. А такие погребения, как Глиное-Сад, 1/13 (табл. 38А-5-6), Градиште, 2/2 с заготовкой каменного топора (табл. 185Е.1-2), также, скорее всего, относятся к катакомбной культуре. Об этом свидетельствует как погребальный инвентарь, так и отсутствие зафиксированной в насыпи погребальной камеры (катакомбы). При этом все эти комплексы характеризуются скорченным положением костяка с наклоном влево, который нередко встречается в катакомбном обряде. В каталоге можно найти и вытянутые на спине катакомбные захоронения с топорами, такие, как Траповка, 6/13 (табл. 132/4-5) или Гура-Быкулуй, 1/7 (табл. 80D.4-5).

Если же исключить из списка сомнительные захоронения с оружием, то можно сделать вывод, что целые каменные топоры в чётко документированных ямных памятниках являются, скорее, исключением, чем правилом. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что и в других выборках количество целых топоров, относимых к ямной культуре, также преувеличено. Анализ опубликованных материалов убеждает, что в подавляющем большинстве случаев это погребения катакомбной или иных культур, а иногда даже случайные находки¹.

¹ Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. С. 88–89; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 72; Иванова С. В., Цимиданов В. В. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного Університету. 1998. Вип. 4. С. 141–162; Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. С. 194–198.

Конечно, эти комплексы можно трактовать как позднелазские, но тогда зачем в свод источников включать явно катакомбные погребения с позднелазской керамикой? Например, такие, как Траповка 1/18 (табл. 130В.16-18) и Вишнёвое, 17/31 (табл. 136.7), которые в своё время были однозначно отнесены самим автором к катакомбной культуре². Подобные комплексы наглядно свидетельствуют о сосуществовании и взаимовлиянии этих культур, но отнюдь не о принадлежности их к ямной КИО. Безусловно, не относится к ямной культуре и основное погребение 2 с топором (рис. 4), в котором костяк резко скорчен на боку и ориентирован головой на В (курган 2 (пятно) у с. Владычень II) (с. 675, табл. 174D.1-2). Хотя автор раскопок М. М. Фокеев справедливо отнёс его к эпохе бронзы, В. А. Дергачёв включил его в каталог наряду с серией разрушенных или плохой сохранности погребений, принадлежность которых к ямной культуре очень сомнительна (с. 306–307; с. 675, табл. 174А-В).

Здесь надо отметить, что составитель каталога неоднократно вступает в полемику с авторами раскопок и без какой-либо аргументации относит к ямной культуре памятники, определённые в публикациях как катакомбные, КМК, сабашиновские, эпохи бронзы и т. д. И в подавляющем большинстве случаев его определения не подтверждаются источниками. Например, такие комплексы, как Старые Дубоссары, 1/31 (табл. 73А.4-5), Гура-Быкулуй, 3/11-12 (табл. 81С.10-11), Крихана Веке, 1/23 (табл. 195В.16-17) и многие другие, со скорченным на боку обрядом, восточной ориентировкой, овальными ямами и каменными забутовками явно не входят в круг ямных захоронений, и относятся к более позднему времени.

Есть в каталоге и более ранние захоронения. В частности, основное погребение 78/22 со скорченным на боку

² Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 86.

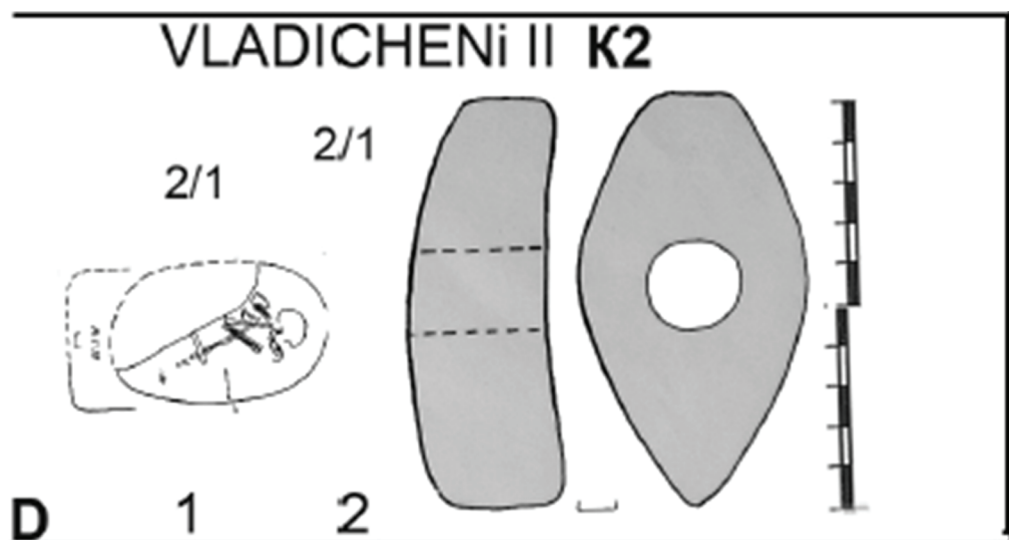

Рис. 4 / Fig. 4. Основное погребение 2/2 с топором у с. Владычень II / The main burial 2/2 with an ax near Vladychen II village

костяком у с. Лиешть-Арбэнашу в Румынии содержит 2 гордишештских сосуда (табл. 251С.24-26). Несмотря на это, В. А. Дергачёв допускает его принадлежность к ямной культуре. Но на этой же странице, анализируя стратиграфию, приходит к заключению, что «основным было погребение 22 с расписным познетрипольским сосудом, а все ямные – относительно более поздние» (с. 438). Следовательно, он всё же отделяет центральный комплекс от ямной культуры. И это настолько очевидно, что не требует обсуждения. Но тогда возникает вопрос: зачем включать в каталог познетрипольский комплекс? Было бы достаточно указать его положение в относительной стратиграфии кургана. Да и само выборочное описание стратиграфии мало что даёт читателю. В этом легко убедиться, открыв первый том.

Нельзя не обратить внимание и на то, что ч. 5 каталога разительно отличается от предыдущих низким качеством опубликованных источников. В первую очередь, это объясняется уровнем полевой методики в румынской археологии тех лет, который наглядно отразился в

представленных иллюстрациях. Таблицы 246–272 однозначно указывают, что в каталог включено неоправданно много захоронений, не имеющих отношения к ямной культуре. Например, в грунтовом могильнике Брэилица, расположенном на территории гумельницкого телля, ведущей позой погребённых является резко скорченное положение на боку с преобладанием восточной ориентировки, характерное для познетрипольских погребений или эпохи бронзы (табл. 254Е, 255–257) (рис. 5). Но В. А. Дергачёв включает их в каталог, объясняя своё решение следующим образом: «многие из типов его инвентаря (в частности, типы керамики), в большей или меньшей степени встречаются в «классических» ямных захоронениях как Нижнего Подунавья, так и сопредельных областей» (с. 444). Так каковы же, в таком случае, были критерии отбора для включения тех или иных памятников в ямную культуру: консервативный погребальный обряд или инвентарь, имеющий зачастую импортное происхождение? В результате получается, что для ямной культуры характерны и грунтовые могильники. Но объектив-

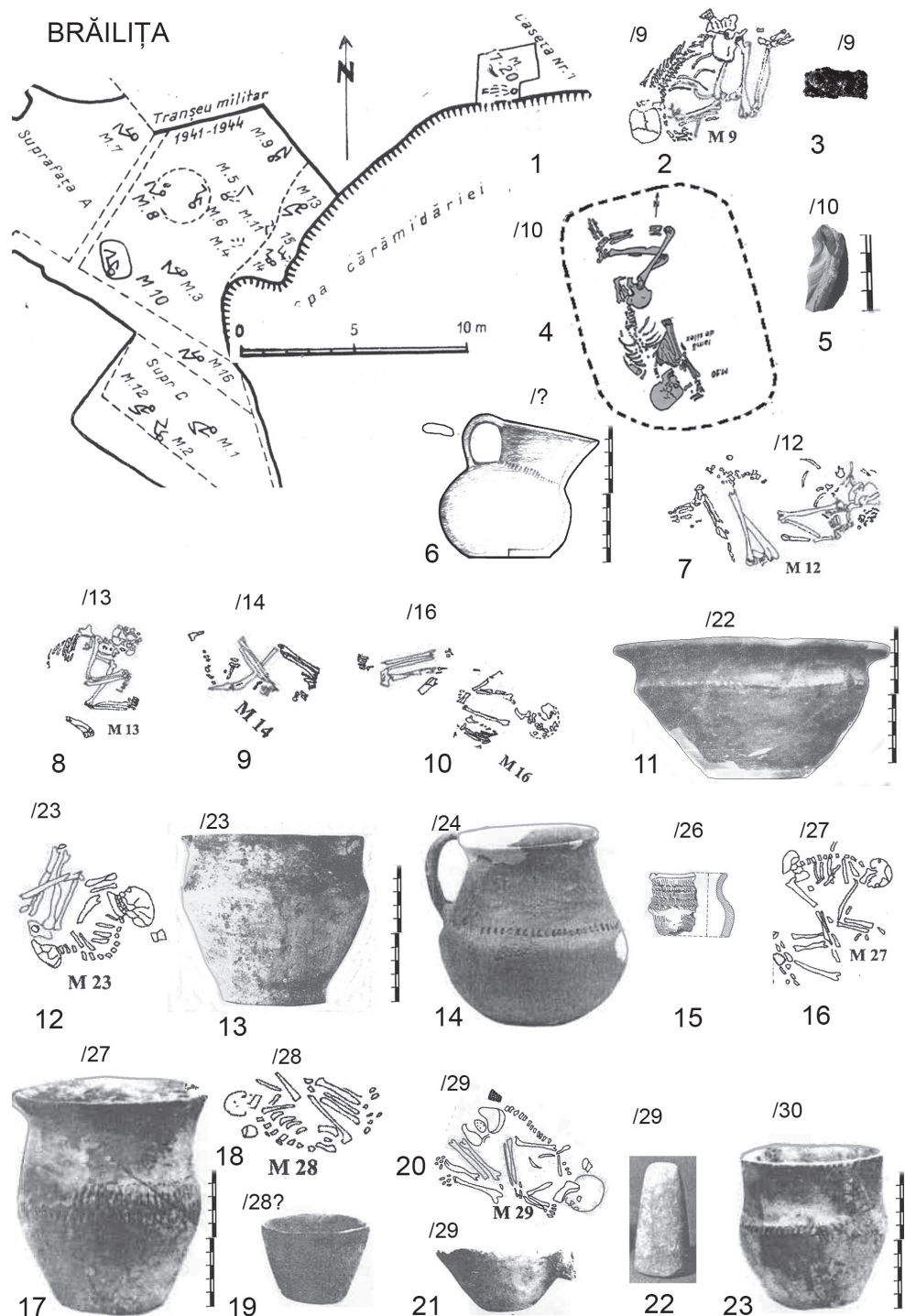

Рис. 5 / Fig. 5. Указанные инокультурные погребения из Брэилицы механически включены в ямную культуру (В. А. Дергачев, 2023, табл. 255) / The mentioned burials from Breilica are mechanically included in the pit culture (V. A. Dergachev, 2023, table 255)

ность подобного вывода крайне сомнительна.

Пятая часть каталога отличается не только качеством публикации, но и содержанием источников. Достаточно посмотреть на представленные таблицы, чтобы убедиться, что это совершенно иной вариант ямной культуры со своей керамикой и особенностями погребального обряда. В этой связи автору следовало бы прислушаться к мнению С. И. Ивановой, которая, на мой взгляд, обоснованно выделяет Балкано-Карпатский вариант ямной КИО и включает в него памятники с территории Румынии¹. В любом случае, опубликованные в этой части источники показывают, что они имеют лишь косвенное отношение к так называемой буджакской культуре.

Хочу особо отметить, что это только выборочная проверка, поэтому представленный фонд источников нельзя назвать ни монолитным, ни однокультурным. И здесь вновь наблюдается противоречие, т. к. в «Пояснении к каталогу» В. А. Дергачёв однозначно декларирует, что он «включает **все данные** по курганным (в единичных случаях – и грунтовым) могильникам **ямной культуры**, известные автору (на конец 2022 г.)» (с. 6). Но культурное единство представленных источников нарушают сознательно включённые в общий список постмариупольские захоронения и случайно попавшие сюда же отдельные катакомбные погребения, КМК и эпохи бронзы из Северо-Западного Причерноморья, не говоря уже о многочисленных инокультурных комплексах из Запрудской Молдовы.

И это заставляет отнестись с недоверием к представленному списку памятников, который необходимо проверять и сокращать. В данном случае уместно сослаться на сотрудников Валентина Анисимовича, которые поют ему панегирик в поэтически-иносказательном стиле:

¹ Иванова С. В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // Российская археология. 2014. № 2. С. 5–15.

«...Дергачёв пользуется исключительно методами, которые он полностью понимает. Иногда теми, которые, как считают оппоненты, понимает лишь он сам. Но это, похоже, Валентина Анисимовича несколько не смущает. Как и кита, который продолжает пропускать через себя тонны воды в поисках пищи, в случае Дергачёва – для размышлений»². От себя замечу, что допущенные сравнения о пропущенной через себя воде весьма рискованны. Кроме того, было бы очень продуктивно, если бы применённые автором методы, в частности, культурного определения конкретных памятников, понимали и другие его коллеги, не претендующие на роль одинокого кита-финвала.

О том, что В. А. Дергачёв до сих пор имеет о ямной культуре весьма размытое представление, свидетельствует и помещённое на обложке каталога фото стелы из с. Чобручи (рис. 6).

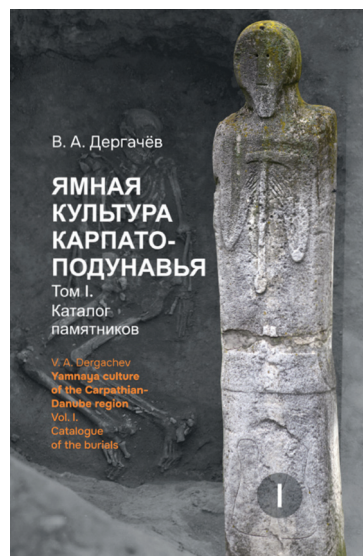

Рис. 6 / Fig. 6. Обложка каталога / Catalog Cover

Напомню, что это действительно уникальное изваяние было **случайно найдено** во время разведок на склоне кургана

² Топал Д. А. Кит-одиночка, или машина для получения научных результатов (К 80-летию В. А. Дергачёва) // Stratum plus. 2023. С. 16.

в 1966 или в 1967 гг. (В. А. Дергачёв сообщает разные даты находки¹). Поэтому нет никаких оснований связывать её с ямной культурой. Да и сам автор первоначально датировал эту стелу XVI–XIV вв. до н. э. и относил её к позднекатакомбному или раннесрубному времени². Однако спустя годы она появилась на обложке в качестве символа ямной культуры. Конечно, автор мог пересмотреть свою точку зрения, но достаточно сравнить стелу из Чобруч с аналогичными находками из ямных захоронений, чтобы убедиться в принципиальной разнице между ними. Не вступая в полемику о культурной принадлежности древнейших антропоморфных изваяний, отмечу, что их отнесение к ямной культуре совсем не очевидно, т. к. подавляющее большинство из них было вторично использовано в качестве перекрытий погребальных камер³. Показательно и то, что прямых аналогий «чобручскому идолу» в регионе до сих пор нет. В таком случае зачем выносить на обложку проблемную находку, когда имеется множество иных артефактов ямной культуры, которые не вызвали бы неудобные для автора вопросы?

Теперь об иллюстрациях или сводных таблицах. Во-первых, эту часть публикации должна предварять таблица с условными обозначениями. Но она отсутствует. И результат налицо: в каталоге различными знаками отмечены курганы на топопланах, материк, дерево, растительная подстилка, глиняный выброс,

скопления охры и прожоги на дне и даже ориентировка.

Во-вторых, таблицы могут составляться по различным правилам: в одних случаях, с одинаковым вертикальным расположением погребальных комплексов, имеющих различную ориентировку (что, на мой взгляд, предпочтительно), в других – с единой для всех вертикальной ориентировкой на север. В последнем случае чертежи будут располагаться в разных направлениях, что, по мнению некоторых авторов, наглядно отражает их положение в кургане. Вопрос этот не принципиальный, и право на жизнь имеют оба варианта. Но при одном условии. Желательно, чтобы все погребения были одного масштаба. Если это не всегда оправдано (например, яма с большим уступом), то конкретный чертёж может быть уменьшен, но с обязательным указанием масштаба. И самое главное: чертёж не должен быть слишком мелким, а изображение должно давать полноценное представление о памятнике.

В. А. Дергачёв в своих публикациях всегда придерживался второго варианта, предпочитая располагать погребения в таблицах, используя единую северную ориентировку, направленную вверх. Не изменил он своему принципу и в данной работе. Казалось бы, в таком случае достаточно поместить одну ориентировку в углу таблицы, оговорив этот приём во вводной части. Но этого не сделано, и в каждом погребении есть совпадающие ориентировки, а сами погребения «кувыркаются» на таблицах в разных направлениях.

К сожалению, этот принцип коснулся и планов курганов, которые также «вертятся» на сводных таблицах. При этом в результате механического копирования первоисточников, разрезы бровок опубликованы зачастую вертикально, под углом или даже вверх ногами (табл. 1–4, 6–12 и далее до конца). На некоторых иллюстрациях чертежи бровок или профилей вообще отсутствуют (например, табл. 40, 54, 64 и др.). Возможно, это

¹ Дергачёв В. А. Антропоморфная стела бронзового века из Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии / отв. ред. В. С. Зеленчук. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1968. С. 169; Дергачёв В. А. Памятники эпохи бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1973. С. 56.

² Дергачёв В. А. Антропоморфная стела бронзового века из Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии / отв. ред. В. С. Зеленчук. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1968. С. 171–172.

³ Телегін Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. № 4. С. 17; Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. С. 35–37 и др.

сделано из-за экономии места, но тогда автор должен был оговорить это во введении. Повторюсь, что каждая методика имеет право на существование, но, на мой взгляд, в данном случае она крайне неудобна для восприятия.

Резко различается и качество чертежей курганов, погребальных комплексов и рисунков находок, которое варьирует от очень хорошего до очень плохого. И этому есть объяснение, т. к. в некоторых таблицах хорошо заметно механическое и некачественное копирование из различных первоисточников. Это тем более удивительно, т. к. длительное время Валентин Анисимович возглавлял молдавскую археологию: в 1992–2005 гг. являлся директором Института археологии и этнографии АН РМ, затем 10 лет возглавлял Институт культурного наследия АН РМ (2006–2015 гг.). За более чем 20 лет руководства он мог использовать и, по свидетельству сотрудников, успешно использовал административные возможности. В частности, над иллюстрациями для его монографий работали профессиональные художники института, которые за эти годы могли бы без особого напряжения качественно перерисовать и унифицировать буквально все чертежи и находки для данного каталога по образцу, например, Г. Мюллера-Карпе. Работа художников в каталоге видна, но она не отличается ни качеством, ни общим и единым подходом при подаче иллюстративного материала. Почему так произошло, трудно сказать.

Как бы там ни было, но в каталоге отсутствует какая-либо унификация многочисленных таблиц. Общим для них можно считать размещение **на ограниченной площади** планов курганов, разрезов и погребений, а также рисунков находок.

Во многих случаях на одном развороте автор даёт по 2 и более курганных плана и около 20 погребений с материалами. Как результат – мелкомасштабность, разноразмерность в размерах и качестве самих рисунков. Хотя автор и утверждает,

что «в иллюстративных таблицах (не считая планов курганов и фотографий комплексов), **для правильного зрительного восприятия**, каждая из категорий материалов приведена к своему строго определённому масштабу» (с. 8), вряд ли можно считать правильным, когда рисунок какой-либо находки превышает план погребения и даже сопоставим с планом кургана. Этого можно было бы избежать, если бы автор не пытался вместить огромный материал в один том.

В каталоге присутствует немало фотографий, которые традиционно должны сопровождаться планами, а не заменять их, поскольку по фото невозможно определить конструкцию погребального сооружения (ямы и уступы), а также элементы погребального обряда (наличие подстилок, ямок, прожогов, скоплений охры и т. д.). Но немало памятников сопровождается исключительно фотографиями: Гольма, к. 1 (табл. 38С), Бурсучены, к. 1 (табл. 64–65А), Мындрешты, к. 1 (табл. 67Е), Тудора I, к. 1 (табл. 101В), Нерушай, к. 10, Десантное, к. 1 (табл. 147В-С) и др.

Показательна в этом отношении публикация курганный группы у с. Яски (с. 548–551, табл. 47–50), где некачественные фото перемешаны с некачественными чертежами погребений и рисунками находок (рис. 7). Вызывают недоумение поставленные на ребро и перевернутые вверх ногами профили двух курганов, залитые различными оттенками серого цвета. А как объяснить помещение фотографии плохого качества внутрь схематичного контура сосуда. Отсутствием места? Но можно же сделать ещё одну таблицу, продублировать фотографии чертежами (если они есть), и будет достойное представление о памятнике!

Подобное издание материалов можно рассматривать как отражение профессионального уровня составителя каталога и его отношения к самой публикации. Достаточно лишь указать, что, издавая по чужому отчёту материалы из с. Яски,

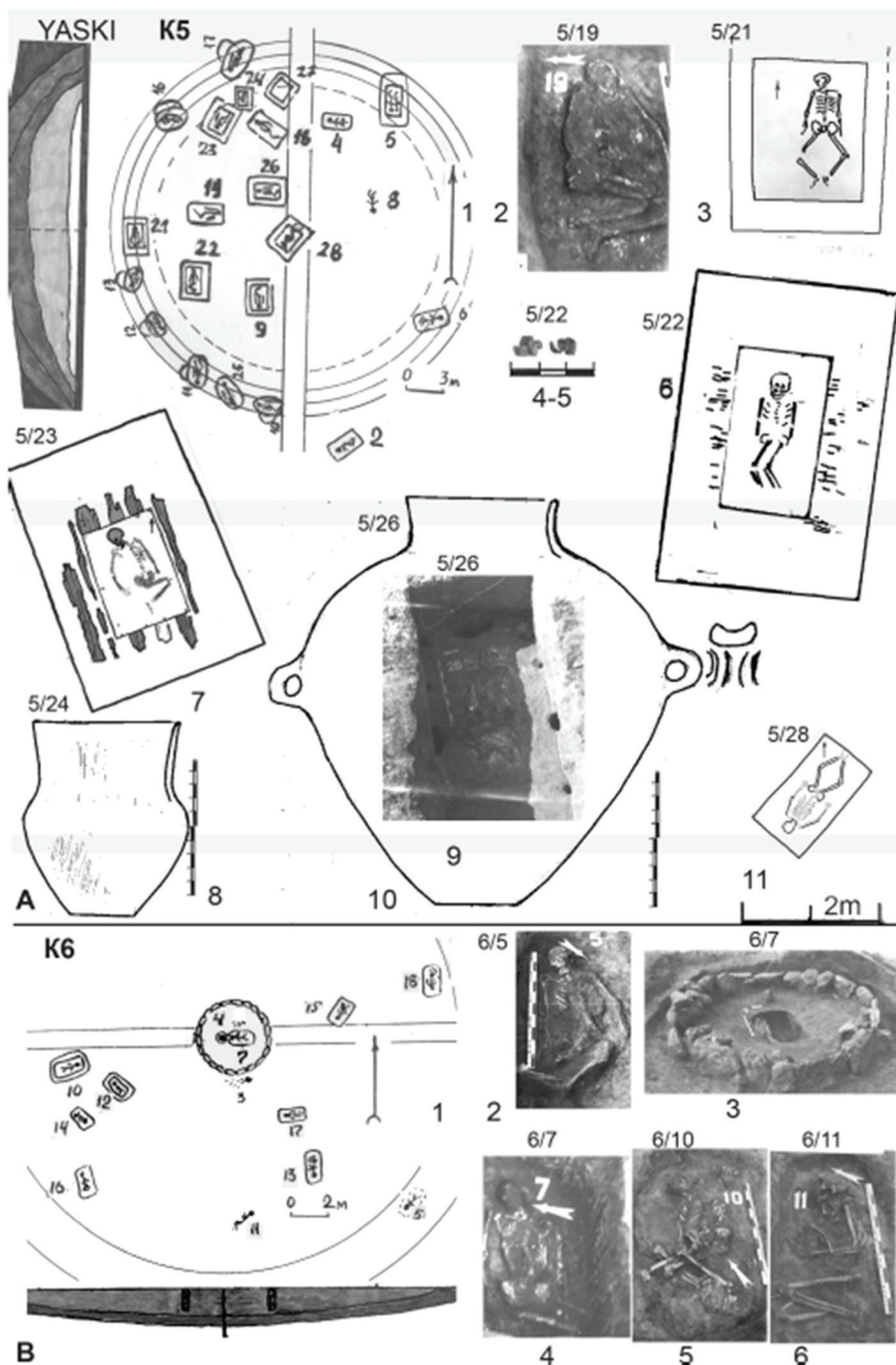

Табл. 49. А – Яски/Yaski (№53) K5: 1 – план кургана, 2 – погр. 19, 3 – погр. 21, 4-6 – погр. 22, 7 – погр. 23, 8 – погр. 24, 9-10 – погр. 26, 11 – погр. 28; В – K6: 1 – план кургана, 2 – погр. 5, 3-4 – погр. 7, 5 – погр. 10, 6 – погр. 11.

Рис. 7 / Fig. 7. Публикация курганный группы у с. Яски. Без комментариев / Publication of the mound group near Yasky village. No comments

В. А. Дергачёв пишет: «В 1976 г. экспедицией под руководством И. Л. Алексеевой раскопано **5 курганов**, четыре из которых содержали погребения ЯК» (с. 87). Но в каталоге почему-то оказались опубликованными ямные погребения из **6 курганов!** (с. 87–93). Я согласен, что данный «отчёт отличается множеством неточностей и противоречий, отсутствием графических изображений» и т. д. (с. 87), но имеет ли автор право на такую оценку, после того, как сам допускает неоправданные неточности?

В качестве другого примера рассмотрим ситуацию с курганом 2 у с. Градиште (с. 327–328, табл. 185Е.1–2–186А.1–12), который я раскопал в 1978 г. Отчёт писался в спешке летом того же года в связи с началом работ Суворовской новостроечной экспедиции. Поэтому почти все иллюстрации были представлены фотографиями. В связи с этим я не считал возможным публиковать эти материалы без соответствующей доработки. Но В. А. Дергачёва это не остановило, и он механически скопировал фотографии в каталог, попутно упрекнув меня в том, что «отчёт составлен с предельной небрежностью» (с. 327). Не буду спорить с данной оценкой, но она подразумевает особую тщательность и профессионализм составителя каталога.

Однако, описывая погребение 2/18, В. А. Дергачёв иллюстрирует его почему-то фотографией детского погребения 5/3 из Пуркар¹. Удивительно, как этот комплекс эпохи бронзы с кремнёвым наконечником и сосудом превратился в ямный и оказался в каталоге (с. 687, табл. 186А.8–9), совершив телепортацию из правобережья Днестра в пойму р. Когильник. Это сознательная подтасовка или элементарная небрежность? Ведь на помещённой фотографии ребёнка хорошо различим даже номер погребения – 5/4 (рис. 8). После этого иначе смотрятся

упрёки В. А. Дергачёва в адрес его коллег! Особенно, когда видишь, что он не потрудился даже перевернуть цифры на табл. 40А2 (Новогригорьевка 2/2). Они так и опубликованы вверх ногами!

О спешке и неряшливости автора и его помощников свидетельствует подавляющее большинство таблиц, для которых характерны:

1. неоправданная мелкомасштабность;
2. отсутствие унификации и, как результат, различное качество чертежей погребений, курганов и рисунков находок;
3. перегруженность каждой таблицы, включающей иногда до 40 рисунков;
4. механическое копирование статей и отчётов различного научного качества.

«Вклад» автора в данном случае виден лишь в компоновке таблиц путём сомнительного круговерчения и неоправданного масштабного разноречия.

Несмотря на двух редакторов (один из трёх, отмеченных в электронном варианте, редакторов после выявленных нарушений снял свою фамилию с печатного издания), текст не вычитан, полон опечаток и неграмотных оборотов. Например: «землеройная деятельность животных», «распад ног», который «легко объясняется действием гравитации» (с. 9), «фаланги ног уложены компактной кучкой» (с. 194), «в коленном изгибе ног» (с. 471), «сосуд находился **перед лицом**» (с. 150) и т. д., и т. п. Почти везде пишется, что «кости ног **распались влево**», «**развалились вправо**» и даже «распались **под ромб**» (с. 26), хотя развалиться они могут только в две стороны. В библиографии указана СОмойлова вместо САмойлова (с. 479), отсутствует ссылка на мою работу, которая к тому же неправильно указана в тексте (с. 8) и т. д. Иногда в тексте проскальзывают **данные отчётного характера** («охрана не прослежена») и встречаются досадные ошибки или опечатки: **Тираспльщина** (с. 528, табл. 27), «над ямным погребением ЯК 16, **окруженно**мо каменным кромлехом» (с. 156), «Погр. 4. ЯК – **впускное**. Погребённый, предпо-

¹ Яровой Е. В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 122–123, рис. 54/4.6–7.

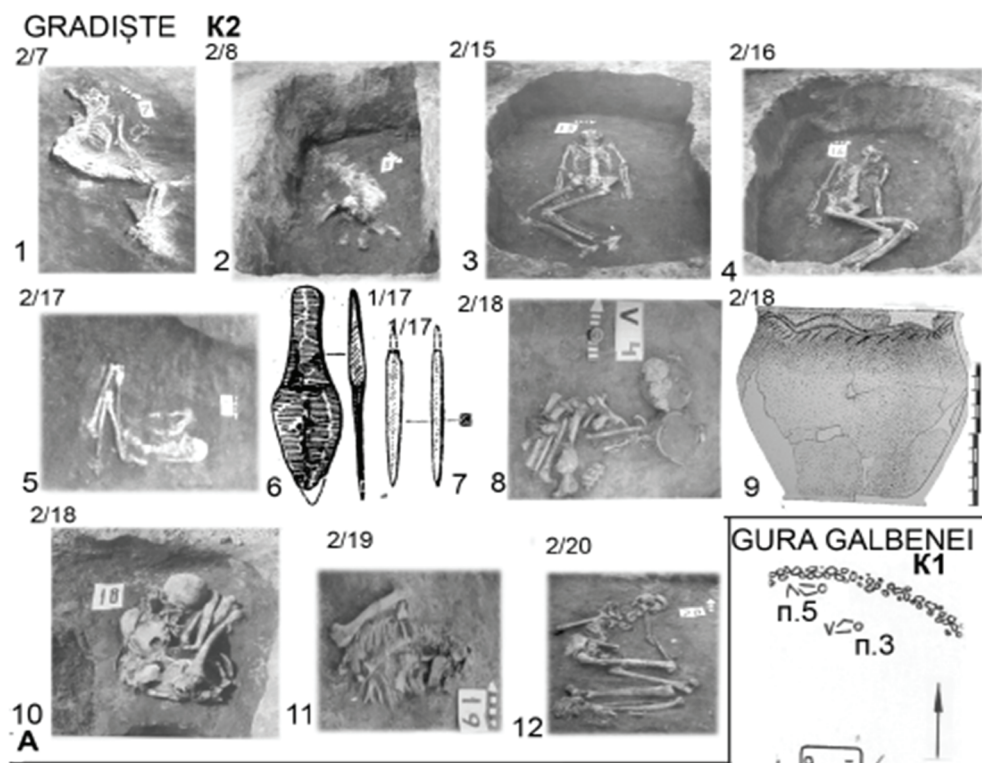

Рис. 8 / Fig. 8. «Комплексная» публикация материалов из Градиште и Пуркар / “Comprehensive” publication of materials from Gradishte and Purkar

ложительно» (с. 470) и др. И это только беглая и случайная выборка, а не тщательная проверка текста! Конечно, это мелочь, но когда с каждой страницей она накапливается, то в итоге переходит критическую массу и превращает научный труд в полуфабрикат. После чего говорить о достойном уровне публикации и уважении автора к потенциальным читателям уже не приходится.

И, наконец, последнее. Самым возмутительным является факт, что г-н Дергачёв посчитал возможным без какого-либо уведомления авторов не только изучать отчёты (что, в принципе, не возбраняется), но и опубликовать от своего имени интересующие его материалы. Если бы это ограничилось только привлечением их для сводных статистических таблиц, это не выглядело бы столь вызывающим. Но В. А. Дергачёв включил

в свой каталог **чужие тексты отчётов и чужие иллюстрации** (в т. ч. и украинских исследователей), не получив согласия на публикации первоисточников от их правообладателей.

Не буду говорить о коллегах, пострадавших от этого рейдерства (они имеют возможность сами высказаться по этому поводу), но остановлюсь на материалах своих исследований.

Впервые открыв каталог, я с изумлением увидел материалы Прутской археологической экспедиции АН МССР, которой я руководил в течение нескольких лет и подготовил отдельную монографию. Затем обнаружил опубликованными практически все раскопанные мною почти за 30 лет памятники ямной культуры (!), неизданные отчёты о которых хранятся в Кишинёве. Как подобное могло произойти в Молдове?

По информации из Кишинёва, рукопись В. А. Дергачёва официально нигде не обсуждалась. Вероятно, за последние годы В. А. Дергачёв почувствовал себя настолько непререкаемым авторитетом, что посчитал возможным переписать и издать все доступные ему полевые отчёты без уведомления своих коллег. К сожалению, подобная практика не впервые используется автором.

Вопрос авторского права или интеллектуальной собственности на территории СНГ до сих пор чётко не разработан, поэтому существует возможность его игнорирования. Здесь многое зависит от самого человека и его нравственных установок. Есть негласное правило, которого придерживается подавляющее большинство археологов моего поколения: *согласовывать публикацию чужих материалов с автором*. В противном случае это считается воровством. Однако сегодня это правило нередко нарушается, причём не только молодым поколением, но и, казалось бы, людьми с высокой научной репутацией. Это тем более странно, что существует масса способов достойно решить этот вопрос: в первую очередь, обсудить его с автором и, получив разрешение, выразить ему благодарность за «предоставленные материалы».

В последнее время я активно занимаюсь подготовкой к комплексной публикации всех полученных при раскопках источников и надеюсь закончить эту работу в ближайшей перспективе. Это легко можно было бы выяснить, если бы В. А. Дергачёв посчитал нужным связаться со мной и узнать о планах на хранящиеся в Молдове материалы. Мало того, если они его так интересовали, можно было бы предложить их издание в любом сборнике или ежегоднике, издающемся в Молдове. За прошедшие годы, будучи директором Института, он мог неоднократно выйти с таким предложением, а затем с полным основанием использовать эти источники в своих работах.

Показателен в этом отношении пример с изданием в Германии памятников культуры Ноа. В 2000 г. ко мне обратился Е. Сава с предложением опубликовать в своей сводной работе раскопанный мною могильник у с. Перерыта. Получив согласие, он включил мою фамилию в качестве одного из соавторов и даже вынес её на обложку. В результате вышла качественная научная монография с соблюдением авторских прав всех заинтересованных сторон и комплексным изданием материалов культуры Ноа¹. Что мешало В. А. Дергачёву поступить аналогичным образом? Поэтому приходится называть вещи своими именами: в данном каталоге с нарушением авторских прав изданы не только материалы моих раскопок почти за 30 лет исследований, но и ряда молдавских и украинских коллег. Этим поступком «авторитетный учёный» поставил под сомнение свою научную репутацию.

Заключение

Итак, подведём итог. Исходя только из выборочно представленных замечаний, данная, казалось бы, фундаментальная работа получилась сырой в плане методологии и некачественной в плане публикации источников. Использовать её можно лишь в качестве расширенного и наиболее полного на данный момент списка погребальных комплексов региона. Однако для статического анализа и построения на его основе каких-либо исторических заключений она крайне несовершенна. В данном случае можно говорить о комплексном издании памятников ямной культуры, накопленных к настоящему времени. Но предложенную автором источниковедческую базу необходимо серьёзно чистить, исключив из списка не только все инокультурные, но и спорные захоронения, а также публикации крайне низкого качества, комплексы плохой сохранности или пострадавшие от разру-

¹ Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 19. Kiel, 2002. P. 61–70, Taf. 32, 34–63, 160–162.

шений. И это уже будет качественно иной свод источников.

Если судить по обложке издания, то это первый том работы, и, вероятно, следует ожидать и второй том. Ведь автор однозначно заявляет, что представленный каталог «предполагает подготовку **специального аналитического исследования**, ориентированного на детальную характеристику ямной культуры... **во всех её возможных аспектах**» (с. 5). Подобное утверждение вызывает лёгкое изумление, поскольку такая характеристика неоднократно была дана в обобщающих работах других авторов, начиная с 70-х гг. прошлого века¹. Выходит, что до В. А. Дергачёва никто серьёзно этой проблемой не занимался, и всем надо ждать его «авторитетные» заключения с интерпретацией и историческими реконструкциями на базе представленных им же источников. Однако данная база настолько сырая, некачественная и противоречивая, что любые сделанные на её основе выводы будут, мягко говоря, крайне сомнительными.

Кроме того, рекомендую автору более внимательно изучить уже опубликованные работы коллег, посвящённые данной тематике. Может быть, после этого он не будет делать подобные заявления и по-

вторять чужие выводы от собственного имени, претендуя на звание единственного аналитика и перегружая при этом и без того запутанную историографию.

После первого просмотра каталога В. А. Дергачёва вспомнилась бессмертная басня Эзопа и общеизвестное выражение «Гора родила мышь»! Но в данном случае не совсем этично сравнивать автора-составителя с горой. Образно говоря, он собирался представить коллегам гору научных источников и наметить пути её покорения с изложением надёжного и простого маршрута. Но показанный автором путь к вершине оказался настолько запутанным и сложным, что достичь её в представленной работе нереально. В результате можно констатировать, что вместо горы родилась хотя и толстая по объёму, но бестолковая и вороватая мышь.

В данном случае нельзя не согласиться с известным публицистом и литературным критиком XIX в. Дмитрием Ивановичем Писаревым, который в статье «Реалисты» писал: «Какое торжественное начало и какой мизерный конец! Гора мышь родила, подумает читатель, и я никак не осмелюсь ему противоречить».

Дата поступления в редакцию 08.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, State University of Education;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

¹ Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. 131 с.; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 243 с.; Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМІЛ, 2013. С. 211–254; Клейн Л. С. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья) // Stratum plus. 2017. № 2. С. 361–376; Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. 2000. № 2. С. 350–387; Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племён ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. 234 с.; Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1970. Т. 6. С. 5–115; Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. 126 с.; Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. 47 с. и др.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е. В. Мышь вместо горы (по поводу выхода монографии В. А. Дергачёва «Ямная культура Карпато-Подунавья. Том I. Каталог памятников») // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 220–243. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-220-243

FOR CITATION

Yarovoy E. V. A mouse instead of a mountain (regarding the release of the monograph by V. A. Dergachev “Yamnaya culture of Carpatho-Podunavie. Volume I. Catalogue of Monuments”). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 220–243. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-220-243